

Юлия Архангельская
Леденцовые ножи

2008—2016

Юлия Архангельская Леденцовые ножи. 2008—2016

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19206946

ISBN 9785447494759

Аннотация

Юлия Архангельская всю жизнь живет в Москве. Окончила филфак МГУ. Двое детей. Печаталась в журнале «Знамя» (№3 за 2011 год, «Время молчания», и №9 за 2014 год, «Киевский сухой букварь»). В книжке собраны стихи последних лет. В конце, в приложении, – ранние юношеские стихи.

Содержание

«когда всё кончится не слушай голоса...»	7
«горячей глиною и сладкой...»	8
«То стихнет, то снова появится...»	9
«хозяин плюшевой собаки...»	10
«что вам музыка? прыгайте в бездну...»	12
«В зеленеющем сумраке дня...»	13
«Сплетаюсь – бормоча – шумя – ветвясь —...»	14
«В неумолкающем говоре дня...»	15
«не ходи по тёплому асфальту...»	16
«Остановилось лето невпопад...»	17
«Да, в Москве-то погода такая едва ли продлится...»	18
«Уютной стала вдруг квартира...»	19
«Закрой глаза – и ключьями огня...»	20
«Я вышла на синюю улицу...»	21
«Вот, посмотри, – Я даю ключи...»	22
«Я не вижу в упор этой длинной зимы...»	23
«Струится время, минуя нас...»	24
«В лабиринте стрелочек и арок...»	25
«Ничего мне от тебя не надо...»	26
«Верю всему я – и всё принимаю...»	27
«Подробно и обстоятельно...»	28
«Треснул лёд, и голуби взлетели...»	29

«Её как хочешь, право, назови —...»	30
«Выручай же, Москва! Не впервые...»	31
«Задумаешься – а уже суббота...»	32
«Думай, читай свои книги до дыр...»	33
«Но мы с тобой умрём, – и это расставанье...»	34
«Шероховатый сон идёт тропею длинной...»	35
«Вытащу берет из чемодана...»	36
«Отлетает день вчерашний —...»	37
«Как существо живое...»	38
«Сама же просила, так вот – получи...»	39
«Пресные воды обступят со всех сторон...»	40
«Ох ты мамочка ж моя, мамочка!»	41
«белый с утра туманный защитный слой...»	42
«На просторах неведомых стран...»	43
«Привет, весна! исчезни, стужа!»	44
«Но нам ведь нет причины умирать...»	45
«медвежью рыбу раздирая...»	46
«Мои слова гремят по льду...»	47
«Здесь нет меня совсем, и только тень нагая...»	48
«Берут сложнейшие творения —...»	49
«Весны неуклюжее тело...»	50
«Смотри – собираются тучи...»	51
«разреженный жёсткий воздух моря уснули...»	52
«Как больно режет, как остро заточен нож...»	53
«Не мне возвращаться в ушедшие дни...»	54
«Не нужно мне лица, когда брежу одна, —...»	55

«В оцепенении какой-то бред плету...»	56
«Среди сухой насмешливой молвы...»	57
«Грозовое электричество...»	58
«В своей благословенной лени...»	59
«Когда меня никто нигде не ждёт —...»	60
«Когда во тьме не слышен голос твой —...»	61
«никто не слышит, как ночь дрожит...»	62
«Не знаешь что думать золотые рвёшь листья обидно...»	63
«Травяные раскинув сети...»	64
«Это сияния точка, это испуг...»	65
«На лету растворяясь в небе...»	66
«Между чудом и подвохом...»	67
«И в голове туман...»	68
«открывается небожно...»	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Леденцовые ножи 2008—2016

Юлия Архангельская

© Юлия Архангельская, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«КОГДА ВСЁ КОНЧИТСЯ НЕ СЛУШАЙ ГОЛОСА...»

когда всё кончится не слушай голоса
и не взирай на лица
как раненый смотри на небеса
над полем Аустерлица

там голубая смальта и вода
журавлики в полёте
предательство уходит навсегда
вне времени и плоти

и тают леденцовые ножи
в сияющем овале
а ты себе не двигайся лежи
на сером покрывале

«горячей глиною и сладкой...»

горячей глиною и сладкой
себя я чувствую в бреду
с ножом под правую лопаткой
дождём пылающим иду

иду припадочной Москвою
в воде и в воздухе пожар
и над тяжелой головою
дыханье мутное как пар

и перевёрнуты бульвары
везде тревога под и над
трещат горящие гитары
в зрачке колючий рафинад

сползают старые вериги
и кажется сейчас умру
и пелрамутровые сдвиги
змеиной кожи по нутру

«То стихнет, то снова появится...»

То стихнет, то снова появится
какой-то мотивчик простой...
колотится сердце и плавится,
взлетая из клетки пустой.

«ХОЗЯИН ПЛЮШЕВОЙ СОБАКИ...»

хозяин плюшевой собаки
что может сделать человек
когда на мусорные баки
он тихо смотрит целый век

в его окошко постоянно
стучится дерево в дожде
в какой-то полудеревянной
забытой богом слободе

и по окраине столичной
идёт он вечером домой
и в этой комнате обычной
такое слышит Боже мой

и знает открывая двери
квартира тёмная пуста
но там его по крайней мере
всего объёмлет теплота

такого в общем не бывает
и время движется к зиме
он напевает напевает
и улыбается во тьме

«ЧТО ВАМ МУЗЫКА? ПРЫГАЙТЕ В БЕЗДНУ...»

что вам музыка? прыгайте в бездну,
забывайте, теряйте ключи...
«даже если навеки исчезну —
только пой, только пой, не молчи!

в перезвоне ночного трамвая,
в переходах, где пахнет мочой, —
всё равно я живая, живая,
как мертвец с восковой свечой,

мне и слушатель, в общем, не важен
если я родилась – и пришла
изо всех переулков и скважин,
отмывая тебя добела.

«В зеленеющем сумраке дня...»

В зеленеющем сумраке дня,
Где сплетаются липы и ели,
Укачайте, растенья, меня
В светоносной своей колыбели.

Заверни меня, солнечный лес
В тихий шелк листвяного покрова,
В этот родственный шепот древес,
Воскресающий снова и снова...

«Сплетаюсь – бормоча – шумя – ветвясь —...»

Сплетаюсь – бормоча – шумя – ветвясь —
качаясь – шелестя – припоминая,
высокий лес вздыхает, затаясь,
лежит на листьях влага слюдяная;

я знаю – Книга там в зелёной мгле
огромная, и Слово в ней ветвится;
она раскрыта прямо на земле
на самой важной для меня странице;

но корни оплетают переплёт
и буквы будто пчёлы улетают...
крушина – донник – зверобой – осот —
тысячелистник – мята золотая.

«В неумолкающем говоре дня...»

В неумолкающем говоре дня
и в ликованьи ночного распева —
кто я, что Ты вспоминаешь меня
и поливаешь засохшее древо?
Кто я, что воды сияющих рек
радости – всей сокрушительной силой...
Всё ж пожалей меня, я – человек:
вдруг и не выдержу? Боже, помилуй.

«не ходи по тёплому асфальту...»

не ходи по тёплому асфальту
не шурши каштановым листом
будто сквозь колодезную смальту
ты вернёшься в свой любимый дом

полнотелой рыбою вplывая
чайничек увидишь на столе
всё как будто ты опять живая
на своей пронзительной земле

«Остановилось лето невпопад...»

Остановилось лето невпопад,
узорный холод в воздухе ветвится
и пустотою пеленает взгляд,
и в небе сковывает птицу...

Последний раз лови осенний свет
вбирай в себя, зрачок влюбленный,
пока древесных рыбок тает след,
как в горьком горле леденец лимонный...

«Да, в Москве-то погода такая едва ли продлится...»

Да, в Москве-то погода такая едва ли продлится,
столь сухая и звонкая, что на оконном стекле
снег, устав на лету шелестеть и на землю стремиться,
оставляет лишь звук, а потом исчезает во мгле;

да, устойчивость схлынет, останется рыхлая влага
будем снова мы в ней свои гнезда непрочные вить,
и замесится грязь, и размокнет навеки бумага,
и слова растворятся, забыв очертанья явить.

«Уютной стала вдруг квартира...»

Уютной стала вдруг квартира,
И водворился за стеной
Сумбурный дождь, обняв пол-мира,
Горошек мелкий жестяной

И, дробный говор постигая
Я долго не могу заснуть,
И даже свет не зажигаю,
Чтобы пространство не спугнуть.

«Закрой глаза – и ключьями огня...»

Закрой глаза – и ключьями огня
день пролетает мимо;
как не хватает суток – ночи, дня
и сумерек неизъяснимых,
где так прозрачны Лев и Водолей
и призрачна разлука,
и все пути короче и светлей,
чем отражение звука.

«Я вышла на синюю улицу...»

Я вышла на синюю улицу.
Ну вот и закончился день.
Вернуться. Свернуться. Ссутулиться.
Уйти в осторожную тень.

Но, стоя в снегах остывающих
легчайшую песню пою.
В обители вечно играющих
я более не состою.

И свет, ненароком приснившийся
в кармашке храню потайном.
И кто-то, навек заблудившийся,
рыдает в лесу ледяном.

«Вот, посмотри, – Я даю ключи...»

«Вот, посмотри, – Я даю ключи:
плачь, веселись и грусти со всеми.
Саморазвёртываясь в ночи,
точка души поглощает время.
Но уж короче дороги – нет!
И, согревая свои пространства,
лишь береги этот черный цвет
нищего, птичьего постоянства.
И не дерзай задевать струну
счастья чужого и вольной воли...
Я отпускаю тебя одну —
в страшную область любви и боли.»

«Я не вижу в упор Этой длинной зимы...»

Я не вижу в упор этой длинной зимы,
на морозе хрустящей раскрошенным льдом:
у меня – золотые холмятся холмы,
то взлетая, то падая в ритме твоём,

и проходит в цветном опереньи весна
и касается ангел оглохших ушей,
и безумная птица короткого сна
режет воздух крылами острее ножей,

и сверкающий полдень горяч и открыт
в сундуках опрокинутых нет ни гроша,
и на грани высокого кича, навзрыд,
по расстроенным клавишам скачет душа.

«Струится время, минуя нас...»

Струится время, минуя нас,
и тают сухие льды;
ты держишь меня у самых глаз,
как будто глоток воды...

Но если умрём, – почему, скажи
поёт и ликует твердь?
Любовь моя, ты коротка, как жизнь,
зато и крепка, как смерть.

«В лабиринте стрелочек и арок...»

В лабиринте стрелочек и арок,
на морозном пике декабря
мне вручили это как подарок,
ни о чём со мной не говоря,

и сияет день одушевлённый
помещаясь у меня в руке,
как большая брошка, жук зелёный,
малахит на тоненьком замке.

«Ничего мне от тебя не надо...»

Ничего мне от тебя не надо.
Я пройду по улице пустой —
синяя февральская прохлада
разведёт вишнёвый цвет густой.
А домой приду – лицо умою:
пусть вода целебная звенит
и перегородчатой зимою
всё – как было – вновь заледенит.

«Верю всему я – и всё принимаю...»

Верю всему я – и всё принимаю,
но в безоглядности этой смешной
я все равно про себя понимаю:
ты – это чудо, что было со мной.

Я – не запомнюсь, сотрусь, понемногу
своей уменьшая безлунный объём,
ты же – останься и стой, ради Бога,
стой, как сейчас, на пороге своём,

стой и смотри в это небо простое
в самом начале любви и хвалы,
где зажигает окно золотое
свет, появляясь из утренней мглы.

«Подробно и обстоятельно...»

Подробно и обстоятельно
разлука нам лоб холодит.
Присутствие необязательно.
И даже, пожалуй, вредит.
Иначе душа и не тронется
в такой вот смертельный полёт
и всей сумасшедшею звонницей
не грянет о каменный лёд.

«Треснул лёд, и голуби взлетели...»

Треснул лёд, и голуби взлетели,
чистота арбузная звенит, —
это утро пятого апреля
весело мне щёки леденит,
это сердце, как воздушный шарик,
глупое, висит на потолке,
и любви бесхитростный фонарик
сам собою светится в руке.

«Её как хочешь, право, назови —...»

Её как хочешь, право, назови —
наивная обидеться не сможет:
она несёт простой флажок любви,
и самомненье душу ей не гложет.
Как дурочка, всё плачет да поёт,
и падает, и ссадины не лечит...
И время разворачивает ход
и о тебе из прошлого щебечет.

«Выручай же, Москва! Не впервые...»

Выручай же, Москва! Не впервые...

Выводи из беды и игры:

прячь в свои переулки кривые,

в потайные лепные дворы;

я почти неприметною стану, —

да и кто разглядит на бегу

как сияет открытая рана

в неказистом арбатском снегу.

«Задумаешься – а уже суббота...»

Задумаешься – а уже суббота,
и за окном светлеет небосвод,
метёт метель, сползает позолота,
скрипичный ветер в форточке поёт.

Но у души ещё ночное зреньё
ему прозрачен остов бытия:
скелет листа и каждого растенья,
и тайный план узорного шитья...

Сомкни глаза, душа, ночная птица, —
твое задание – весело страдать,
и щебетать, и верить в небылицы,
и босиком под форточкой стоять.

«Думай, читай свои книги до дыр...»

Думай, читай свои книги до дыр,
воин – охотник – старатель,
чтобы высокий раздробленный мир
тайный открыл знаменатель,

мучайся несколько жизней подряд
сам распадайся на части, —
но освети этот брошенный сад
детским фонариком счастья:

там, наполняя усталый зрачок
лиственным шорохом влажным,
вечно поёт одинокий сверчок
в склеенном доме бумажном.

«Но мы с тобой умрём, – и это расставанье...»

Но мы с тобой умрём, – и это расставанье
мне нечем заглушить, – но я тебя люблю.
в обителях пустых, скрывающих название,
заранее брожу – и голос твой ловлю;

и знает только Бог, насколько смехотворна
прожорливая смерть, что я с руки кормлю:
она во всём права, она навек бесспорна,
и мы с тобой умрём, – но я тебя люблю.

«Шероховатый сон идёт тропою длинной...»

Шероховатый сон идёт тропою длинной,
и ночь свой внутренний опять являет лик:
меняется небес податливая глина,
вся разная насквозь, иная каждый миг,

но выверен сюжет: осталось две минуты
предутреннего сна – и мчится напролом
безумная душа – и разрывает путы,
чтобы найти тебя во времени твоём;

её подвижна тень, и ей немного надо;
выныривая в явь – потянется, вздохнёт...
улиточный тоннель уже не виден взгляду,
и тикают часы, и утро настаёт.

«Вытащу берет из чемодана...»

Вытащу берет из чемодана,
пальтецо смешное нацеплю
и ни с кем жеманничать не стану,
потому что знаю и люблю;
потому что всё равно накатит
сквозь московский сумеречный дым
твой огонь – и душу мне охватит,
очищая золотом живым.

«Отлетает день вчерашний —...»

Отлетает день вчерашний —
и Господь его хранит;
не кори себя, мне страшно,
сухость в воздухе звенит.

Нас пока еще услышат
пожалуют нас, пока
над землёй любовью дышит
Божьей милости река;

наши жалкие запинки
всё, что мы зовём бедой, —
как волшебные картинки,
что смываются водой;

нас несут в ладонях Света
сохраняя наши дни,
а вокруг сияет лето —
только руку протяни!

«Как существо живое...»

Как существо живое,
весна глядит в лицо:
её нельзя присвоить
и заковать в кольцо;
она идёт иначе,
она не хочет ждать...
её нельзя назначить,
но можно – угадать.

«Сама же просила, так вот – получи...»

«Сама же просила, так вот – получи:
ты будешь одна в непроглядной ночи;

ты будешь тяжёлые камни грузить
в телегу впрягаться и в гору возить;

снимай же корону и плащ в серебре
ведь ты – лишь горячее в долгой игре;

ты – трепет нелепый, движенье без слов
ты пища для этих больших жерновов;

тебе унижаться, гореть и болеть
тебе до конца истощаться и тлеть,

и лет через тысячу – в сердце одном —
воскреснуть сияющим целым зерном.»

«Пресные воды обступят со всех сторон...»

Пресные воды обступят со всех сторон,
вплоть до самой души, – да что говорить...
выпью ликёра и буду считать ворон
и сигаретку тонкую буду тайком курить;

знаешь, не я в пустом маячу окне
и наблюдаю, как серый пепел летит:
имя моё на самом глубоком дне
пленную птицей волнуется и свистит;

но – живая жизнь возвращается, чуть дыша
свежую тенью бежит по горячим лбам;
ей навстречу, ликуя, летит душа —
краешек Ризы поймать и прижать к губам.

«Ох ты мамочка ж моя, мамочка!»

Ох ты мамочка ж моя, мамочка!
обступили мя воды горькие,
и объяла мя тьма великая,
тьма великая, темень подколодная!
посмотрю на небо – сердце съёжится,
погляжу на землю – градом слёзы льют,
а на ясный лик человеческий
от стыда-тоски мне и глаз не поднять.
Ой вы люди мои, други добрые,
как же я среди вас затесалась?..
Обличают меня речи кроткие,
а любовь-то мне – в сердце острый нож!
Вот бы бросить всё, закричать-завыть,
в чисто-поле уйти волчицею, —
да ведь там не растёт чудо-дерево,
да ведь там не течёт живая вода.

«белый с утра туманный защитный слой...»

белый с утра туманный защитный слой
плотная вокруг молочная скорлупа
это самое дно мировой личинки-яйца
это ватная неразрешимость всего
все расслаблены мышцы все жилки плывут
угадав уловив неслышную почти волну
не разрушь ничем не проявись никак
прозрачной косточкой лёгких небес
уносит дышит океан тишины
зеркало глубин вглядывается в себя
пружина свёрнута в маленькое кольцо

«На просторах неведомых стран...»

На просторах неведомых стран,
где обещан богатый улов,
поправляет охотник капкан,
расставляет крючки рыболов;

и, качаясь, приманки дрожат
поплавок неподвижный красив...
исчезает таинственный сад,
вырастает глубокий обрыв;

и тяжёлая тонет блесна
в самой толще пленительных вод —
и, мерцая, молчит глубина,
где смешливая рыбка плывёт.

«Привет, весна! исчезни, стужа!»

Привет, весна! исчезни, стужа!
сквозное золото, плыви!
сияйте, солнечные лужи
под глупым сапожком любви.
Сокройся, смерть сторожевая, —
твой серый дом стоит пустой,
и лёгкая душа живая
хохочет над его тщетой.

«Но нам ведь нет причины умирать...»

Но нам ведь нет причины умирать,
я это знаю так, как знают дети;
мне нравится волокна разбирать,
прозрачные распутывая плети,
в которых эта пленная вода
сама себя и мучает, и гложет,
и лишь того не трогать никогда,
что вечно, – и делимо быть не может.

«медвежью рыбу раздирая...»

медвежью рыбу раздирая
и кровь в лососевой воде
невыспавшаяся сырая
с моллюском древним в бороде

и время драными сетями
уже грозит при свете дня
и смерть с холодными ногтями
бесстыже смотрит на меня

«Мои слова гремят по льду...»

Мои слова гремят по льду,
плевать! я их не собираю,
я не умею жить в аду,
я от печали умираю,
пожалуйста, скажи мне: стой,
скажи мне: дурочка, не падай;
какой-нибудь совсем простой,
смешною глупостью порадуй...
моя больная голова
так хочет снова быть весёлой,
ты видишь – это не слова,
а только ужас, ужас голый.

«Здесь нет меня совсем, и только тень нагая...»

Здесь нет меня совсем, и только тень нагая
по клавишам стучит, пустой гоняя трёп,
пока диктуешь Ты, почти не напрягая,
щадящие слова – не прямо и не в лоб;

пока диктуешь Ты... пока родные лица
из тишины своей склоняются ко мне, —
готова я навек в печали раствориться,
чтоб зёрна этих слов поймать на глубине.

«Берут сложнейшие творения —...»

«Берут сложнейшие творения —
и расплетают на простые...
то, что исчезло при делении, —
и есть те нити золотые;

они почти не доказуемы
и глазу не видны порою,
но веселится мир, связуемый
божественною их игрою,

и этой тягою живительной
родное человек находит,
и потому – неудивительно
всё то, что с вами происходит.»

«Весны неуклюжее тело...»

Весны неуклюжее тело
наполнено свежей водою,
и корни деревьев несмело
раскинулись сеткой пустою
под этой землёю смиренной;
и сети в воде замерзают,
но плещется море вселенной,
и рыба опять ускользает.

«Смотри – собираются тучи...»

Смотри – собираются тучи,
по тёмному небу скользя, —
мне нравится почерк летучий
всего, что предвидеть нельзя;

на улицу выйду ночную
в последнюю эту пургу
и рыбу тебе нарисую
на чистом апрельском снегу;

а он всё ликует и тает
и кружится над головой,
и глупая рыба взлетает
над мокрой весенней Москвой.

«разреженный жёсткий воздух моря уснули...»

разреженный жёсткий воздух моря уснули
луна распалась на две пустых половинки
и горы сквозные пещеры свои замкнули
никто не держит по чёрной уйти тропинке

внезапно душа ничего не видит куда мне
в насмешливых этих потёмках искать дорогу
и я на месте стою и бросаю камни
в глубокий омут который неведом Богу

«Как больно режет, как остро заточен нож...»

Как больно режет, как остро заточен нож
и как нестерпимо глазу сиянье дня;
от ясного разуменья бросает в дрожь, —
зарыться в то, что навек защитит меня,
закутаться в сон и оттуда сухим глазком
смотреть на себя, чужую, со стороны...
как сердце стучит, как надёжен мой тайный дом,
где воздух прозрачен и нет ни одной волны.

«Не мне возвращаться в ушедшие дни...»

Не мне возвращаться в ушедшие дни,
блуждая по кругу, —
покой и тревога на свете одни
сияют друг другу;
но я выбираю тебя, красота,
скользящая мимо,
и буду как все, кто играет с листа,
навек уязвима.

«Не нужно мне лица, когда бреду одна, —...»

Не нужно мне лица, когда бреду одна, —
смутить мне некого, играть я не умею...
в ловушке темноты, в пустой скорлупке сна
я выход не найду – и от тоски немею;

и детские стихи я больше не пишу —
я волк своих полей, я горький воздух мая,
и странно мне самой, что я ещё дышу,
всю эту тесноту, не прячась, принимая.

«В оцепенении какой- то бред плету...»

В оцепенении какой-то бред плету,
и слушаю, и застываю снова —
так бабочек целуют на лету
и ловят ускользящее слово,
решив не очаровываться впредь —
но медлят в шелесте и звоне,
чтобы на пике счастья умереть
с жемчужиною тёплой в ладони.

«Среди сухой насмешливой молвы...»

Среди сухой насмешливой молвы
спокойной буду и отважной;
со мною только шорохи травы,
картонный меч и тонкий шлем бумажный,

и робкие слова – наперевес —
не для победы, а для поражения...
укрой скорее, спрячь меня, мой лес,
в своё непостижимое движение,

и в тишине беседуя со мной
веди меня легко и осторожно,
и укрывай зелёною волной
всё, что исправить невозможно.

«Грозное электричество...»

Грозное электричество
перещёлкивает сухо,
крыльев свист геометрический
сквозь рассеянное ухо,

словно вся душа распорота
и блуждающей походкой
без тебя бредёт по городу
половинкою нечёткой.

«В своей благословенной лени...»

В своей благословенной лени,
внутри сияющего мая
иду – и веточку сирени,
как дура, к носу прижимаю,

но различает взгляд серьёзный
пройдя насквозь через картинку,
что в этой полукоматозной
жаре – скрывается горчинка,

в ней всё, что горестно случилось
и будущее – невозвратно,
и вдруг охватывает Милость
своей волной невероятной.

«Когда меня никто нигде не ждёт —...»

Когда меня никто нигде не ждёт —
пространства открываются иные;
неумолимо завтра настаёт,
впечатанное в сумерки ночные;
заранее прочитываю я
слова горчайшие – и всё же
таинственный укол небытия
так холодно пронзает кожу.

«Когда во тьме не слышен ГОЛОС ТВОЙ —...»

Когда во тьме не слышен голос твой —
молчат слова и цепенеют числа,
и мир качает в лапах, сам не свой,
предметы, не имеющие смысла;

какие-то нелепые клише
иголки, сердце колющие больно, —
мешают замороченной душе,
лицом к тебе повёрнутой невольно,

душе, что вся к тебе обращена
и странное являет постоянство,
полуслепыми пальчиками сна
прощупывая чуждое пространство.

«НИКТО НЕ СЛЫШИТ, КАК НОЧЬ ДРОЖИТ...»

никто не слышит, как ночь дрожит,
пока не придёт ответ,
и как душа за Тобой бежит,
лишь только увидит свет,

никто не знает, как дышит твердь
и ужас стучит в висках,
пока моя тряпичная смерть
сгорает в Твоих руках.

«Не знаешь что думать золотые рвёшь листья обидно...»

Не знаешь что думать золотые рвёшь листья обидно
пальцы ломают хрусткое и приходит день
покрывало узорчатое накинуть лица не видно
ладно сворачиваюсь в пружинку ухожу в тень
хорошо ведь и так ненасытному взгляду довольно
провалов сладких и взлётов в ночную тьму
Господи я почти улыбаюсь и мне не больно
обними и укрой не отдай меня никому

«Травяные раскинув сети...»

Травяные раскинув сети
и касаясь едва-едва,
пряный ветер, упругий ветер
забирается в рукава,
залетает во все кармашки
синей кофты моей смешной,
и бегут по спине мурашки
тихой оторопью сквозной,
и, очерченная нечётко,
с глупой сумочкою в руке,
я смешливой плыву походкой
в городской ледяной реке.

«Это сияния точка, это испуг...»

Это сияния точка, это испуг,
шорох – всполох – тугой натянутый лук,
тонкая сетка, огонь золотой вокруг

сердца; это небесный прозрачный лёд
это молитв о тебе несказанный мёд,
это спасение, милость, ответ, исход,

это побед невидимая река, —
чтобы сиять сквозь сомкнутые века,
мне достаточно лишь одного глотка.

«На лету растворяясь в небе...»

На лету растворяясь в небе,
производит мой жалкий ум
еле слышный какой-то щебет,
перепутанный птичий шум;

но потом, как на чуткой плёнке
негативом ушедших дней
вдруг проявится голос звонкий
на изнанке души твоей.

«Между чудом и подвохом...»

Между чудом и подвохом
волны радости бесценной
между выдохом и вдохом
голубой овал вселенной

и сияющим движеньем
мы проглочены бесцельно
но взаимным отраженьем
наши мысли параллельны

наши сомкнуты ладони
и внутри небесной глыбы
уплывают от погони
две диковинные рыбы

«И в голове туман...»

И в голове туман
и вся неразбериха,
что налетает днём
и тонет в час ночной, —
как мир велик! во всём
печаль струится тихо,
как глина серая
и жемчуг рассыпной...

податлива душа
и так неярко светит
фонариком простым
сквозь утреннюю тьму:
с тобой и без тебя —
никто и не заметит;
молчишь и говоришь —
не слышно никому,

и будто ничего
не происходит с нами:
мы за руку идём
сквозь сомкнутые сны —
а вслед течёт печаль
воздушными слоями,

питаясь как река
из серой глубины.

«открывается небольно...»

открывается небольно
ключиком грудная клетка
грязно-белая голубка
вылетая дышит редко

и несут её в ладонях
на источниковы воды
и струями омывают
злую копоть несвободы

и другие рядом птицы
друг на друга не похожи
и молчит пустая клетка
как гнездо из тонкой кожи

и беглянку возвращает
ангел или человек
и она свою темницу
нестерпимо жжёт как снег

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.